

Григорий Померанц

Заметки культуролога

Через полгода после начала второй чеченской войны я прочел статью одного из своих собеседников. Ю. писал, что во время первой войны стоял за независимость Чечни; но с тех пор к национально-освободительному движению прибавился мусульманский экстремизм и бандитизм. Против такого сочетания Россия вправе защищать свою естественную границу по Большому Кавказскому хребту. Я позвонил и спросил, знает ли Ю., как выглядит новая война. Оказалось, что он опирается только на официальную информацию. Я послал бандеролью правозащитную газету с большим перечнем фактов. Через месяц позвонил еще раз. Теперь оценка Ю. изменилась: «Происходит общая деградация человека, - сказал он. – И у них, и у нас». При следующем разговоре я сформулировал новый вопрос: чему способствует война? Преодолению деградации или углублению? Ю. ответил, что, по-видимому, невозможно избежать независимости Чечни. Но не сейчас! Сейчас нет государства, с которым можно вести переговоры.

Этот обмен репликами – нечто вроде предисловия к моим размышлениям. Я предлагаю сперва вынести за скобки все, что наслоилося на восстание Чечни, и обернуться к Испании. Там нет ислама, нет бандитизма. Но есть два народа, добивавшиеся независимости: баски и каталонцы. Каталонцы согласились на очень широкую, очень выгодную автономию; ястребов среди них оказалось мало. Среди басков до сих пор действует ЭТА и рвутся бомбы.

Теперь вернемся на Северный Кавказ. Чеченцы и ингуши – близкие родственники, ветви одного вайнахского народа. До Горбачева жили вместе. Вместе участвовали в большой кавказской войне XIX в., вместе вынесли ссылку, вместе прожили весь период секуляризации и возвращаются к исламу. Но ингуши остались в России, чеченцы восстали.

Что тут решило? Традиция восстания 1938-1942 гг.? Не многие знают, что горная Чечня в одиночестве поднялась против Большого террора. В начале 1942 г. Берия собрал в Грозном партийный актив и пригрозил весь народ сослать, если коммунисты Чечено-Ингушской АССР не сумеют убедить горцев прекратить борьбу. Борьба продолжалась. В 1942 г. на Кавказ пришли немцы. Горцы предложили им союз, немцы отмахнулись от кучки абреков. Но намерение союза с немцами у них было, и это припомнилось им. Хотя ссылка, - подчеркиваю, - была задумана еще до прихода вермахта¹. Другого способа покончить с восстанием режим Сталина не нашел.

У меня нет данных, какую роль в этом восстании играли ингуши. Судя по нынешней административной карте, Ингушетия только очень узкой полосой заходит в высокие горы. В Чечне горные районы занимают гораздо больше места. И там же – в горной Чечне – последняя столица Шамиля, Ведено. Возможно, какую-то роль в решении восстать играл призрак державы великого аварца.

Разница между горными и равнинными чеченцами не раз давала себя знать. Я думаю, что она похожа на различие между хайлендерами и лоулендерами в Шотландии XVIII в. Хайлендеры восставали, пытаясь вернуть трон своим родным Стюартам, лоулендеры (потерявшие клановую организацию) занимались бизнесом и богатели. Можно предположить, что в Ингушетии победил дух лоулендеров, в Чечне – романтика гор. Равнинные чеченцы были захвачены общим порывом. Произошел сдвиг назад, к клановой солидарности, к клановому безумству храбрых, так ярко блеснувшему в 1938 г., - и клановой привычке к набегам, захвату заложников и т.п. активности; нормы родового общества, его добродетели и пороки примерно сходны и в кланах, и в тейпах.

Как только Дудаев объявил независимость, началась анархия. Многие чеченцы праздновали победу примерно так же, как русские

¹ Ср. А.Автарханов. Мемуары. Главы из книги. «Октябрь», 1992, № 10, с. 131-135.

солдаты и офицеры в Германии, с некоторыми национальными особенностями: в Германии не убивали женщин, которых насиловали; в Чечне, кажется, не было коллективных изнасилований с втыканием во влагалище бутылки доннышком вверх (с одной из потерпевших я беседовал и до сих пор помню чувство стыда, мешавшееся с радостью победы). Но русский праздник дикой воли быстрее кончился. Сказалась и отходчивость характера, и военная дисциплина припомнилась. Запоздалые выходки пресекались. За немку давали пять лет, за чешку – десять. Дудаев тоже боролся с анархией, но с народом труднее справиться, чем с армией. К тому же с народом, для которого кровная месть – закон. Было казнено несколько разбойников и головы их выставлены на шестах. Это не помогло, вялотекущий погром продолжался. Мне называли цифру в 200 тыс. беженцев. Называлась (позже) и цифра в 500 тыс.

Ислам здесь не при чем. Ислам – порядок, который может не всем нравиться, но порядок. Под покровом ислама возродился скорее доисламский пласт бытия. Он не очень далеко лежал. Чеченцы – сравнительно недавние мусульмане. Не ислам вел их к восстаниям. Ислам только давал высшее оправдание защите своих догосударственных порядков. Традиции государственного порядка, не навязанного извне, в Чечне не было. Период анархии был неизбежен. Он стал предлогом к первой, ельцинской, войне.

Когда война кончилась, снова выплыли различия между хайлендерами и лоулендерами. Большинство народа в 1996 г. хотело прочного мира и проголосовало за Масхадова, в котором видели человека, способного к переговорам и соглашениям. Хайлендеры, сохранившие в руках оружие, не имели уважения к избирательным бюллетеням. Они поддерживали Басаева.

В борьбе за власть ислам стал внутривнутриполитическим козырем. Басаев отпустил бороду. Масхадов тоже перестал бриться. За ним стоял парламент. Басаев собрал шуру. Масхадов был президент, Басаев нацелился стать эмиром. Это соперничество кончилось вторжением в

Дагестан. Русское общественное мнение, сперва довольно вялое, было оскорблено. Бандитские вылазки вызывали негодование, но войны мало кто хотел. Рейд Басаева изменил положение. На волне национальной обиды Путин получил подавляющее большинство. План «санитарного кордона» был отброшен, армейское командование, жаждавшее реванша, взяло верх.

Ужасы второй войны очень медленно просачивались в Россию. И очень медленно менялось общественное сознание, болезненно задетое угрозой полного распада страны, унижением на Балканах и всеми другими унижениями во внешней политике. Чечне мстили сразу за все и все. А потом месть рождала месть, и этому нет конца.

Социологи говорят, что сейчас большинство респондентов хотят мира. Но что бы ни говорили цифры, хаос не скоро кончится. Приходится выбирать между хаосом от присутствия федералов и хаосом от ухода федералов. Даже в случае замены федералов войсками ООН. В любых случаях до подлинного мира далеко. Присутствие федералов – таких, какие они есть, а не виртуальных – будет бесконечно разрушать и Чечню (впрямую), и Россию (морально и экономически). Анархия без федералов – хаос, из которого может родиться порядок. Пусть не сразу. И за этим вовсе не последует ряд других восстаний. Теория домино уже была опровергнута уходом американцев из Вьетнама. Воображаемая победа коммунизма во всей Юго-Восточной Азии не состоялась. Одно дело – Вьетнам и совсем другое – Индонезия. И за Басаевым ни Дагестан, ни Ингушетия не пойдут.

Понять свою ошибку и вовремя исправить ее не стыдно. Стыдно настаивать на своей ошибке. Что за абсурд – отдать без выстрела Крым, не хотевший от нас уходить, и убивать сотни тысяч упрямцев, не желающих жить с нами вместе? Какой смысл считать святыми условные границы, проведенные или перечеркнутые в советские годы? Сталин менял статус республик, как хотел. Достаточно вспомнить фарс с Карело-Финской республикой. Из-за уважения к бумажке, зафиксировавшей сталинские и хрущевские причуды, 20-25 миллионов россиян были оставлены на

произвол судьбы. А теперь, обжегшись на молоке, мы дуем на воду, позорим себя перед всем миром и потратили на войну столько, что хватило бы расселить миллионы беженцев, возвращающихся в Россию из стран СНГ.

Есть народы, которые не может поглотить никакая глобализация: ни древнейшая, грубо имперская, ни средневековая, опирающаяся на единую веру, ни глобализация Нового времени, колониально-торговая, ни нынешняя, электронно-финансовая.

Сопротивление глобализации так же старо, как сама глобализация. Когда опорой империи стало христианство, древние народы, не желавшие раствориться в православном византийском мире, сохранили себя как ереси. Копты и армяне стали монофиситами, ассирийцы – несторианами, финикийцы (нынешние ливанские христиане) – монофелитами. В мире ислама Иран восстановил свою независимость под знаком шийи, буквально – партии, первоначально – партии сторонников наследственного халифата Алидов, потомков племянника Мохаммеда Али. А если копнуть глубже, то не сказалось ли сопротивление имперской глобализации в пафосе еврейских пророков, бичевавших вавилонскую блудницу? А потом это консервативное движение подготовило революцию вселенского монотеизма, оказавшегося решающей силой на следующем этапе глобализации и бичом упрямцев, верных Ветхому Завету. История, как заметил еще Гегель, полна иронии, и разгадать, что в ней прогресс и что реакция, что добро и что зло, - не просто.

Сегодня культурные миры, основанные на едином Священном Писании, едином языке Писания и едином шрифте (помимо Запада, их еще три: Дальний Восток, Индия, ислам) оказались в роли племен, сопротивлявшихся древним империям. Ислам активнее других сопротивляется новой, постхристианской, электронной глобализации. Не будем считать это сопротивление бессмысленным и обреченным. Оно может повлиять на форму глобализации, забраковав американский вариант

и подтолкнув искать другой². Во всяком случае, чеченцам ислам дал ощущение вселенской идеи, вселенской значительности их борьбы. Курдам, восставшим против своих единоверцев турок, ислам не мог помочь, и они схватились за марксизм-ленинизм-сталинизм. Тут не грубый расчет на подачки от стран ислама или от Советского Союза, - вернее, не только расчет. Мы живем в мире глобальных идей и глобальных процессов, и даже этнические противники глобализации нуждаются в знаке великой идеи на своем знамени.

Мировая религия не раз служила национальным целям. И не всегда ясно, кто кого использует: национальное чувство – религию или религия – национальное чувство?

Джеймс Биллингтон, директор Библиотеки конгресса, не так давно процитировал старое изречение: тот, кто не прислушивается к чужим молитвам, рискует услышать их как боевой клич. От нас самих зависит, долго ли мы будем слышать «Аллах акбар» на поле битвы. Само по себе мусульманское обращение к Богу не более воинственно, чем «Господи помилуй».

После всего, что совершилось, нужны десятки лет борьбы с ястребами (и в России, и в Чечне), десятки лет освобождения от ненависти и страха. Чеченский узел нельзя разрубить, его надо долго, терпеливо развязывать, согласие прекратить военные действия – только первый шаг к миру. Мир наступит, когда новые поколения перечеркнут старые счета. А пока – не обойтись без стражи на границах (как их ни называй – государственными или административными). До тех пор пока призыв к кровной мести не перекипит в чеченском котле и трезвость лоулендеров не возьмет верх над романтикой лихих набегов. До тех пор, пока повышенная активность чеченцев не найдет себе мирное поле деятельности. Новый тип

² В частности, повышаются шансы европеизации – втягивания новых участников в западный концерт культур, при сохранении национального своеобразия России, Японии, Турции. См. мою статью в «Персоне», 2003, № 1.

чеченца уже складывается (особенно в диаспоре). Не надо ему мешать заниматься бизнесом и найти новое приложение своей энергии.